

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 285–292

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 285–292

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

Научная статья

УДК 81'161'1'42+929Сахаров

К столетию А. Д. Сахарова: дискурс А. Д. Сахарова как научная публицистика (обозначение говорящего как маркер жанра)

Э. Р. Лассан

Вильнюсский университет, Литва, LT-01513, г. Вильнюс, ул. Университето, д. 3

Лассан Элеонора Руфимовна, хабилированный доктор гуманитарных наук, аффилированный профессор кафедры русской филологии, eleonora.lassan@flf.vu.lt, <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Аннотация. Объектом исследования в данной статье является один из главных текстов академика А. Д. Сахарова – «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», датированный 1968 г. Интерес лингвиста к сахаровскому дискурсу в известной степени мотивируется вопросом о том, каковы черты текста, который самим названием указывает на мыслительные практики философского дискурса и вместе с тем является не только полемическим по отношению к официальным дискурсивным практикам, но и, в силу личности автора-ученого, соединяет научную информацию и политическую позицию субъекта.

Для исследования автор предлагаемой статьи избрал только один из системных элементов текста – обозначение отправителя дискурса. Причина выбора такого объекта исследования объясняется тем, что «образ автора», волнующий исследователей со времен Бахтина и прежде всего по отношению к художественному дискурсу, имеет жанровую обусловленность репрезентации. Как показано в статье, обозначение субъекта текста в «Размышлениях...» соотносится со способами обозначения говорящего в разных по жанру типах дискурса и коррелирует с соответствующими обозначениями «Другого», что может рассматриваться как маркер научной публицистики. Автор полагает, что анализ эгомаркеров текста может быть эффективным при определении его жанровой принадлежности.

Ключевые слова: дискурс Сахарова, эгомаркеры текста, обозначение говорящего, обозначение «Другого», научная публицистика

Для цитирования: Лассан Э. Р. К столетию А. Д. Сахарова: дискурс А. Д. Сахарова как научная публицистика (обозначение говорящего как маркер жанра) // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 285–292. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the centenary of A. D. Sakharov: Sakharov's discourse as science publicistics (identifying the speaker as the genre marker)

E. R. Lissan

Vilnius University, 3 Universiteto St., Vilnius LT-01513, Lithuania

Eleonora R. Lissan, eleonora.lassan@flf.vu.lt, <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Abstract. A linguist's interest toward Sakharov's discourse is to a greater extent motivated by the question of what the characteristics of the text whose title (Progress, Coexistence and Intellectual Freedom) itself refers to cogitative practices of philosophical discourses are; the text that not only is polemical in relation to official discursive practices, but due to the personality of the author and the scientist, unites both scientific information and the political standpoint of the subject. For the analysis the author of the article chooses only one systemic text element, i.e. the manifestation of the speaker. Such a choice of the subject of the research is accounted for by the fact that, according to the author of the article, the representation of the author in nonfiction discourse is predetermined by the genre. The author's analysis of Sakharov's "Self" through its incorporation into communicative practices and relations with the "Other" stems from the "Self-concept".

As it is demonstrated in the article, the identification of the subject of the text in “Progress...” is relatable to the means of identifying the speaker in different types of discourse in terms of a genre; it correlates with the corresponding identification of the “Other”, which may be viewed as a marker of science publicistics. The author thinks that the analysis of ego markers of text may be effective when defining its genre.

Keywords: Sakharov’s discourse, text ego markers, the identification of the speaker, the identification of the “Other”, science publicistics

For citation: Lissan E. R. On the centenary of A. D. Sakharov: Sakharov’s discourse as science publicistics (identifying the speaker as the genre marker). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 285–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Объектом исследования в данной статье является один из главных текстов академика – «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», датированный 1968 г.¹ Автор обращался к дискурсу А. Д. Сахарова в рамках своей книги «Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ» [1]. Как ни странно, но автор не знаком с другими исследованиями текстов этого великого ученого и правозащитника, поэтому позволяет напомнить о них в связи со столетием со дня рождения академика. Представляемый материал относится в некоторой степени к истории лингвистики, поскольку со времени публикации исследования прошло больше четверти века. С другой стороны, автор представляемой статьи дополняет исследование тех лет более поздними концепциями Я как отправителя текста, что в сочетании с предметом описания – личностью Сахарова и его идеями – позволяет надеяться на некоторый интерес к материалу со стороны потенциального читателя.

А. Д. Сахаров так характеризует роль этой статьи в своей правозащитной деятельности: «В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством... Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное. Тем не менее, основные его мысли мне дороги. В работе четко сформулирован представлявшийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем как единственно альтернативной гибели человечества» [2].

Итак, в 1968 г. в «самиздате» распространяется статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая спустя время попадает в западную прессу, и академика отстраняют от секретной работы, увольняют из института. С этого времени А. Д. Сахаров занимается

правозащитной деятельностью: он становится одним из учредителей Комитета по правам человека, высказывается за отмену смертной казни, за право на эмиграцию, против принудительного лечения инакомыслящих в психиатрических больницах, помогает крымским татарам вернуться в Крым. Те, кому удалось узнать А. Д. Сахарова из «вражеских голосов», отдают себе отчет в том, что автор текста «Размышлений...» – известнейший ученый-физик, отец советской водородной бомбы, ставший в оппозицию к власти. Те же, кто был проинформирован об А. Д. Сахарове из советской печати, мог узнать из «Письма членов Академии наук СССР» следующее:

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном им в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время. Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя [3].

Источники сведений о Сахарове, при всех идеологических различиях, так или иначе сообщали читателю, что А. Д. Сахаров – ученый и общественный деятель, совершивший некие речевые действия, имеющие большой общественный резонанс. «Образ автора» текстов, о которых говорили различные источники, мог вызывать полярные оценки, однако в своей референтной части «образ» имел констант-

¹Статья впервые опубликована 22 июля 1968 г. в одной из самых влиятельных в мире газет *New York Times*.

ную часть: ученый и правозащитник/враг СССР².

Интерес лингвиста к сахаровскому дискурсу в известной степени мотивируется вопросом о том, каковы черты текста, который самим названием («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») указывает на мыслительные практики философского дискурса: («Метафизические размышления» Декарта (1641), «Картезианские размышления» Гуссерля (1929) и вместе с тем является не только полемическим по отношению к официальным дискурсивным практикам, но и, в силу личности автора-ученого, соединяет научную информацию и политическую позицию субъекта. В сущности, А. Д. Сахаров сам определил жанр своего текста в «Небольшом предисловии» к «Размышлениям...»: «...это было одно из первых прорвавшихся на Запад произведений общественно-политического характера, к тому же автором был отмеченный высшими знаками отличия представитель “таинственной” и “грозной” специальности физика-атомщика» [2:1].

1. Обозначение говорящего и адресата как эгомаркер жанра

Для исследования автор предлагаемой статьи избрал только один из системных элементов текста – обозначение отправителя дискурса. Причина выбора такого объекта исследования объясняется тем, что «образ автора», волнующий исследователей со времен Бахтина и прежде всего по отношению к художественному дискурсу, имеет, по мнению автора, жанровую обусловленность репрезентации. По отношению к нехудожественному дискурсу термин «образ автора» не совсем уместен, поскольку несет на себе шлейф исследований того, как представлен автор в художественных текстах. Е. В. Литовская пользуется термином «категория автора» [4], что представляется адекватным исследованию материала, где автор или явлен в соответствии с жанровой характеристикой текста (публицистика – автор репрезентирует себя как личность, чьи мировоззренческие и нравственные установки должны определить симпатии аудитории, к которой обращена мысль «на злобу дня»), или маскирует личностное начало в силу репрезентации информации как объективной и чисто рациональной. Так, автор-ученый придерживается стиля, где наименее явлены индивидуализация и рито-

рические ходы, оказывающие эмоциональное влияние на адресата.

Таким образом, принципиальное различие жанровых характеристик различных текстов можно увидеть в различных типах «эгомаркеров» текста. «Вопрос о том, как происходит ... выражение себя», самопредставление в текстах различного стиля, жанра и типа, давно интересует исследователей. Так, традиционно считается, что разговорная речь и язык художественной литературы, являясь более эмоционально насыщенными и нестрогими функциональными разновидностями языка, обладают широкими возможностями представления субъекта речи. Что же касается научного дискурса, то принято считать, что безличность является его важным лингвистическим признаком [5]. Так или иначе, но «Я» стоит за любым текстом, и при разности своей репрезентации сохраняет свою самоидентификацию: «Я – непосредственно мне данная целостность моей индивидуальной жизни. Я – воспринимаю себя как центр моего сознания, как то, кому принадлежат мои мысли, желания, переживания. В то же время Я – это единство моей индивидуальной биографии, это то, что гарантирует мою само-идентичность. Наконец, Я – это то, что управляет моим телом, это инстанция, обеспечивающая свободное принятие моих решений и несущая ответственность за их осуществление и последствия» [6]. «Новая философская энциклопедия», цитата из которой приведена выше, отмечает и концепцию «Я» Гуссерля, согласно которой «Я» существует только во взаимодействии с объектом внешнего мира, и коммуникативные концепции «Я», где «Я» невозможно без его вписанности в определенные коммуникативные практики. Если учитывать эту концепцию³, то анализ репрезентации «Я» как отправителя текста не может не учитывать и специфику «Ты/Вы» – Другого как адресата дискурса.

В дискурсе А. Д. Сахарова несомненный интерес с избранной точки зрения представляют номинации говорящего, поскольку они весьма разнообразны. Само появление текста с таким названием («Размышления...») позволяет говорить о самопрезентации «Я» Сахарова как Я-мыслящего («размышления») и Я-действующего (то, что само появление текста стало общественным действием, следует из предисловия к тексту). В восприятии читателя целостное «Я автора» предстает как синтез Я-знающего (ученый), Я-говорящего (речевой поступок), Я-оценивающего

²По опыту знакомства с этим текстом в 70-е гг. прошлого века автор данной статьи пишет, что проводником текста к относительно широкому слушателю были «голоса»: «Голос Америки», «Свобода» и т. п.

³По мнению автора данной статьи, данная концепция весьма точна, поскольку Я реализуется только во взаимодействии с внешним миром и оценивает себя на фоне этого взаимодействия.

(публицистика). Попытаемся только на одном из структурных элементов текста (адресант – адресат) показать жанровое своеобразие текста, с одной стороны, и с другой – соотнести обозначения отправителя дискурса с некоторыми концепциями «Я».

Итак, обратимся к тексту. В New York Times, впервые опубликовавшей эту статью, текст предстал огромным по газетным масштабам (три полные страницы, более 40 машинописных) [7]. Он многотемен и «многომирен» – охватывает современную Сахарову действительность и два возможных будущих мира: «мир катастроф» и «мир разрешенных конфликтов – объединенного сотрудничающего человечества». «Антиутопия» и «утопия» – обозначили бы соединение этих двух жанров литературоведы.

К внешним приметам, обозначающим принадлежность текста к научному дискурсу, можно отнести структурирование материала – выделение глав, подразделов, наличие выводов в каждой главе, а также структурирование посредством нумерации (1, 2, 3 и т. д.), большое количество лексики, не имеющей хождения в широком обиходе и связанной, скорее, с научной тематикой: «радиоактивная пыль», «геогиена», «производительные силы» и т. п. Черта, не характерная для научного дискурса (впрочем, сегодня она имеет место) – наличие эпиграфа: «Лишь тот достоин славы и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Эпиграф задает определенные отношения в ожидании содержания и уже побуждает читателя к определенному умонастроению.

1.1. Обозначение говорящего

Как мы уже говорили, репрезентация сферы субъективности в общественно-политическом и научном дискурсе осуществляется по-разному. В познании она построена таким образом, что «всякий индивид здесь скрыт за некоей универсальной маской Всеобщего субъекта и говорит от его имени. В противном случае ученого упрекают, что его высказывание есть его личное мнение» [8: 64]. Такая особая форма выражения авторства была обязательной для советской науки, где обычной формой выражения являлось местоимение «мы» или безличные конструкции типа «думается», «представляется» [Там же]. Американские лингвисты позволяли себе употреблять в научном дискурсе местоимение «Я» (напр., Ч. Филлмор: «В этой статье я сопоставляю семантические теории, основывающиеся на понимании языка (в широком смысле), с се-

мантическими теориями, в основе которых лежат суждения об (относительной) истинности» [9]).

В тексте «Размышлений» используются три формы обозначения авторства «Я» – «Мы» – «Автор». Рассмотрим последовательно использование этих обозначений.

«Я». В «Небольшом предисловии», предвещающем текст статьи и написанном значительно позже⁴, используется только местоимение «Я» для обозначения отправителя дискурса и автора «Размышлений...». Однако здесь мы имеем два разных «Я» – одно фиксирует единство, «телесную» идентичность автора во времени: *В 1967 году я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки... В начале 1968 года я начал работу над книгой, которую назвал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, – о войне и мире, о диктатуре...* Однако сразу вступает голос Я, расщепленного во времени: *на общем настроении работы сказалось время ее написания – разгар «пражской весны»... Я оцениваю сейчас это произведение как эклектичное и местами претенциозное, несовершенное («сырое») по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги.* Здесь мы видим изменение «Я» во времени – оставаясь единым в смысле «телесном» и осознающим свою экзистенциальную идентичность, «Я» выступает как рефлексирующее над самим собой. «Есть и другое Я, которое присуще мне, но не может быть локализовано в пространстве и времени. Это Я выражает наличие некоторого «внутреннего мира», который является предметом рефлексивного отношения со стороны второго Я. «Внутренний мир» сознания не существует изначально... а конструируется в результате развития моих внешних коммуникаций с другими людьми» [10]. Эти «два Я», реализующиеся в разных по времени коммуникативных практиках, демонстрируют, как представляется, подвижность мышления академика Сахарова, отсутствие догматизма, способность к критическому взгляду на самого себя.

Основная часть текста демонстрирует другие обозначения отправителя дискурса: *Взгляды автора формировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляет очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных*

⁴Впервые в России «Размышления...» опубликованы в 1990 г. («Вопросы философии», № 2, «Юность», № 3 и сборник «Тревога и надежда», для которого в 1989 г. написано «Небольшое предисловие»).

вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества... «Научным» мы считаем метод, основанный на глубоком изучении фактов, теорий и взглядов, предполагающий непредвзятое, беспристрастное в своих выводах, открытое обсуждение.

В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор поставил себе целью с наибольшей доступной ему убедительностью и откровенностью изложить два тезиса, которые разделяются очень многими людьми во всем мире.

Как видим, здесь исчезает «Я» как субъект размышления, а появляется несколько отчужденное от «Я» обозначение «автор», которое выступает как социальная ипостась говорящего: субъекта определенных политических воззрений, непосредственно действующего лица, совершающего речевой поступок, субъекта интеракционного действия. «С этой статьей автор обращается к руководству страны...», «В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор поставил целью с наибольшей убедительностью изложить два тезиса...», «По существу взгляды автора являются глубоко социалистическими...» и т. д.

«Мы». Наряду с «автором» появляется и местоимение «мы» – оно употребляется так, как обычно делается в научном дискурсе: это не инклюзивное «мы», включающее читателя или единомышленника, а «умноженное» Я – субъект знания, которое не есть мнение. Такое употребление «мы» не единично: «Приведем лишь разрозненные примеры», «Суммируя содержание первых разделов, мы приходим к выводу...» и т. д. – конвенциональная форма научного дискурса, где носитель определенного рассуждения и субъект дискурсивного действия «скрывается за универсальной маской». Ниже в тексте местоимение «Мы» встречается и как инклюзивное: «Мы живем в быстроменяющемся мире... Научное изучение нашего вмешательства (в природу. – Э. Л.) явно отстает от темпов происходящих изменений» и т. д. А. Д. Сахаров относит «мы» ко всему человечеству, описывая общую опасность, нависшую над ним. Такое использование местоимения, как представляется, в определенной степени характерно для публицистического стиля, поскольку должно создать платформу единочувствия – сделать так, чтобы человечество прочувствовало то, о чем говорит ученый-мыслитель.

«АВТОР». Наибольшее количество обозначения говорящего существительным «автор» содержится в «Заключении» – в пяти предло-

жениях пять раз употребляется это слово для обозначения отправителя дискурса: «С этой статьей автор обращается к руководству страны...»; «Автор понимает спорность многих положений статьи...», его цель – открытое обсуждение...»; «Автор просит учесть это...»; «Автор глубоко благодарит... читателей предварительных вариантов...» и т. п. Являясь субъектом действия, касающегося еще кого-то, говорящий уже через сам синтаксис текста встречается с «Другим» (благодарит его, спорит или соглашается, концентрирует его внимание) – совершает поступок. Можно говорить о двух «Других» в тексте Сахарова: одного из них назовем «не-Другой» (тот, кто разделяет взгляды пишущего – «многие люди»), а того, кто стоит на иных позициях, противостоит «автору», назовем настоящим «Другим».

По нашей версии, употребление существительного для обозначения субъекта текста, равнозначное обозначению 3-м лицом (он) там, где «автор» встречается с «Другим», закономерно: говорящий выступает как субъект взаимодействия с внешним миром, с другим равноправным актором. «Автор», отстраняясь от «Я», в меньшей мере субъективирует восприятие мира и готов к его беспристрастному (бесстрашному) обсуждению.

Можно сказать, что наиболее последовательно в дискурсе осуществляется употребление местоимения «я». Это местоимение имеет эпистемическую значимость, называя субъекта полагания, которое выражается глаголами думать, считать, полагать [11: 8]: «Я думаю, что разумным методом решения этой деликатной проблемы явился бы не партмаксимум...», «Я считаю, что в ходе экономической реформы...» и т. д. Даже если перформативные глаголы в тексте отсутствуют, предложение допускает трансформацию, при которой соответствующий глагол в тексте может появиться: «Я не против социалистического принципа» = Я не считаю социалистический принцип предосудительным (плохим и т. п.). Н. Д. Арутюнова отмечает особые прагматические коннотации «Я»-установки полагания – «снятие категоричности утверждения, подчеркивание того, что выражается суждение, основанное на личных сведениях и впечатлениях» [11: 16]. Эпистемическое суждение обычно вводит мнение-ответ на некоторый поставленный в других дискурсах вопрос: «Я» отвечает на этот вопрос и таким образом как бы выражает диалог мнений, имплицитно предполагая наличие Другого.⁵ «Хочу подчеркнуть, что я не против социалистического принципа оплаты по количеству

⁵Нужно сказать, что в дискурсах власти Другой, как мыслящий иначе, элиминировался из возможного пространства общения. Диалог не предполагался.

и качеству труда...». В таких же контекстах полагания, мнения в научном дискурсе чаще употребляется «мы» (*мы полагаем*) – создается впечатление большей уверенности говорящего в праве высказывания и истинности высказываемого мнения.

Интересным представляется соотношение глаголов *видеть* и *понимать* при обозначении ментальных действий: «я понимаю спорность многих моментов статьи» – *я вижу спорность многих моментов статьи*. Н. Д. Арутюнова усматривает основное различие между ментальными состояниями, передаваемыми *видеть* и *полагать* в том, что объект полагания имеет ментальную природу, содержится в мыслях. Того, о чем думает говорящий, может не быть в действительности (возможный мир, эпистемическая модальность), в отличие от пропозиции, вводимой глаголом *видеть* []. Сахаровский «автор» *понимает*, то есть допускает, что статья может показаться спорной, однако он сам полагает возможным предложить ее адресату в силу собственного непротиворечивого понимания ситуации. Если бы употреблялся глагол *видеть* (*вижу спорные моменты статьи* – онтологическая модальность), это означало бы, что автор не находится в согласии с самим собой и осмеливается предложить на общий суд не до конца выверенные положения. Таким образом, мы можем говорить о мягко выраженной уверенности Сахарова в своей правоте и предвосхищении непонимания со стороны адресата.

В некоторых случаях в контекстах мнения Сахаров использует существительное «автор», а не соответствующее нашей версии местоимение «Я»: «Автор понимает спорность...», «Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления... рождает эгоистический принцип капитала...». Однако следует учесть, что такая фраза помещена между двумя другими, где отправитель дискурса выступает как социальное лицо (автор), что, видимо, и влияет на выбор формы 3-го лица.

Возможно и несколько иное объяснение употребления имени «автор», а не местоимения «Я» в контекстах мнения у Сахарова. «Я» онтологической модальности (реальной, бытийной) более эгоцентрично: тот, кто выражает себя через «я», вносит в текст его субъективность, весь круг связанных с ним коннотаций: самолюбие, выделенность из континуума и моделирование этого континуума относительно «я» (проявляется через дейкти-

ческие слова «здесь», «сейчас», «там» и т. п.). Видимо, поэтому, «в науке стремление говорить от первого лица выглядит достаточно нескромным» [8: 65]. Отсюда следует, что А. Д. Сахаров в известной степени подчиняется правилам научного дискурса, хотя в большинстве случаев, используя «я», не уходит от ответственности за образ своих мыслей.

Таким образом, обозначение говорящего в тексте «Размышлений» само по себе позволяет говорить о синтетической жанровой природе текста – научной публицистике. Здесь и неинклюзивное «мы», принятое в научном дискурсе для обезличивания говорящего, и берущая на себя ответственность, окрашенная страстями форма «я» (публицистика), и отчуждающаяся от собственной субъективности форма «автор», к сожалению, не описанная в лингвистической литературе с точки зрения ее прагматических коннотаций в нехудожественном дискурсе. Нам представляется, что форма обозначения личности, порождающей нехудожественный текст, словом «автор», придает тексту диалогичность, готовность к возможной дискуссии, определенную демонстрацию личностного начала – это позволяет рассматривать ее как переходную между «я» и «мы» в системе репрезентации стоящего за текстом субъекта.

1.2. Обозначение Другого

Поскольку концепции «Я» рассматривают формирование «Я» как личности через ее взаимодействие с объектами внешнего мира и участием «Я» в коммуникативной деятельности, постольку вопрос о репрезентации субъекта текста предполагает и его взаимодействие с «Другим» в коммуникативных практиках. Рассмотрим взаимодействие с «Другим» в сахаровском тексте.

1. «Я мысленно слышу здесь вопли о ревизионизме и притуплении классового подхода...». Существительное *вопли* является резко негативным обозначением предвосхищаемой реакции «Другого» как носителя иной точки зрения. «Первая реакция обывателя, когда он узнает о существовании проблемы: «они сами виноваты, почему они так сильно размножаются?»» (речь идет о демографических проблемах и голоде стран Африки). Здесь эксплицитно смоделирован конфликтный диалог между носителем научного знания (знатока проблемы) и «Другим». Этот «Другой», чья позиция расходится с позицией говорящего, назван «обывателем». Слово *обыватель*

⁶Быть мещанином – это значит быть обывателем в самом худшем смысле этого слова. Собственно, «обыватель» – уже само по себе слово негативного оттенка. Во всяком случае так нас воспитывали. Если человек обыватель, то это значит, что его собственная, маленькая личная жизнь и ее тихие радости, бытовой комфорт, карьера, интересуют гораздо больше, чем великие свершения Человечества, совершаемые необывателями. Так во всяком случае учили в советское время (<https://lrlay777.livejournal.com/567218.html>).

имело в период действия советской идеологии отрицательные коннотации⁶ – человек, живущий только своими мелкими интересами и не участвующий в общественной жизни, то есть в строительстве светлого будущего. Здесь А. Д. Сахаров словно говорит на «языке власти» – но и русская культура отвергала замкнутость на собственных интересах, отсутствие эмпатии, сострадания к другим: (напр., А. П. Чехов «Крыжовник»: «Надо, чтобы за дверью каждого довольно-го, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...» или тот же А. П. Чехов в «Ионыче»: об обывателях как исповедниках тупой и злой философии). Таким образом, можно объяснить употребление слова *обыватель* в дискурсе Сахарова синтетическим следованием языку власти и русской классической культуры одновременно. В любом случае мы видим личностное, оценочно окрашенное отношение автора к «Другому», не разделяющему его воззрений, и такое оценочное отношение к Другому соотносится с «Я» автора текста, не скрывающего собственную субъективность.

2. «Часто в качестве главного ущерба от маоизма называют раскол мирового коммунистического движения...». «Обычно в наших пропагандистских кругах пишут...». Здесь мы видим формы неопределенно личных предложений для обозначения «Другого», того, с кем автор вступает в полемику. Неопределенно-личные предложения используются, как правило, в научном или политическом дискурсе для передачи действий или речевых актов научных или общественных субъектов. Полемичность сахаровского текста задается употреблением наречий «часто», «обычно» указывающих на банальность, неоригинальность определенных взглядов, что одновременно создает у реципиента ожидание новизны воззрения, которое выскажет говорящий в последующем тексте. Такая форма обозначения оппонента, характерная для названных выше дискурсов, коррелирует с номинацией

самого говорящего через «мы» – наиболее принятой формой научного дискурса. Так же, как за «мы» скрывается некоторый субъект познания, с одной стороны, лишенный индивидуальности, с другой – «умноженный», более весомый, так и за неопределенно-личной формой предложения скрывается некто – обезличенный и «умноженный» (этой формой множественного числа может быть обозначен и одиночный представитель определенных воззрений).

3. «Руководство нашей страны и наш народ должны знать.../Руководство нашей страны должно понимать...»/«Вероятно, автор не дождался таких же комплиментов от товарища...(N)». В дискурсе подобного типа Другой обозначен безоценочной формой, соотносимой с третьим лицом (*они/он*). Такая форма обычно относится к лицу, в непосредственном диалоге не участвующему, т. е. отчужденному от него, и характерна, скорее, для официальных документов. Она, соответственно, коррелирует с номинацией говорящего посредством 3-го лица («автор»).

Выводы

Таким образом, анализ номинаций говорящего и «Другого» в дискурсе А. Д. Сахарова позволяет усмотреть достаточно четкую систему соответствий между ними, что, в свою очередь, связано с самой личностью отправителя дискурса – человека с его страстями, ученого, общественного деятеля. Использование разных обозначений для отправителя дискурса и его адресата/оппонента демонстрирует близость «Размышлений...» как к публицистическим текстам, так и к собственно научному дискурсу, что позволяет и на данном основании соотносить текст с жанром научной публицистики. Проведенное описание, на взгляд автора статьи, побуждает думать, что анализ эгомаркеров текста может быть эффективным при определении его жанровой принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лассан Э. Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР (когнитивно-риторический анализ). Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 235 с.
2. Сахаров А. Д. Мир. Прогресс. Права человека. Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1990. 128 с.
3. Письмо членов Академии наук СССР // «Правда» 29 авг. 1973 г. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2085> (дата обращения: 25.07.21)
4. Литовская Е. В. Текстовая категория автора в динамическом аспекте (на материале русских кулинарных

книг XIX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 26 с.

5. Гергокаева Д. Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса : на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 26 с.

6. НФЭ (Новая философская энциклопедия). URL: https://platon.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (дата обращения: 01.08.21).

7. Горелик Г. 50 лет «Размышлениям...» Андрея Сахарова о прогрессе, мире и свободе // «Троицкий вариант», № 13 (257), 17 июля 2018 года. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/

434201/50_let_razmyshleniyam_Andreya_Sakharova_o_progresse_mire_i_sвободе (дата обращения: 02.08.22)

8. Парахонский Б. А. Семиотический субъект и субъект познания // Логика, психология, семиотика : аспекты взаимодействия. Киев : Наукова думка, 1990. С. 59–69.

9. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di semántica*. 1985 Vol. VI, no. 2, December. С. 222–254.

10. Hare R. The Self and Others... URL: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (дата обращения: 01.08.21).

11. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (К проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М. : Наука, 1989. С. 7–30.

REFERENCES

1. Lassan E. R. *Diskurs vlasti i inakomyслиya v SSSR (kognitivno-ritoricheskij analiz)* [The discourse of power and dissent in the USSR (cognitive-rhetorical analysis)]. Vil'nyus, Izd-vo Vil'nyus. un-ta, 1995. 235 p. (in Russian).

2. Sakharov A. D. *Mir. Progress. Prava cheloveka*. [The world. Progress. Human rights]. Leningrad, Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie Publ., 1990. 128 p. (in Russian).

3. Letter of the members of the USSR Academy of Sciences. "Pravda" 29 aug. 1973. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2085> (accessed 25 July 2021) (in Russian).

4. Litovskaya E. V. *The author's text category in the dynamic aspect (based on the material of Russian cook-*

books of the XIX–XXI centuries). Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2018. 26 p. (in Russian).

5. Gergokaeva D. D. *Egocentrism of linguistic discourse : Based on the material of Russian, English, Karachay-Balkar languages*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nal'chik, 2008. 26 p. (in Russian).

6. (NFE). *New Philosophical Encyclopedia*. Available at: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (accessed 01 August 2021) (in Russian).

7. Gorelik G. 50 years of Andrey Sakharov's "Reflections..." on progress, peace and freedom. "Troickij variant", № 13(257), 17 July 2018. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434201/50_let_razmyshleniyam_Andreya_Sakharova_o_progresse_mire_i_sвободе (accessed 02 August 2021) (in Russian).

8. Parahonskij B. A. Semiotic subject and subject of cognition. In: *Logic, Psychology of Semiotics : Aspects of Interaction*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, pp. 59–69 (in Russian).

9. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semántica*, 1985, vol. VI, no. 2, December, pp. 222–254.

10. Hare R. *The Self and Others...* Available at: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (accessed 01 August 2021).

11. Arutyunova N. D. "Believe" and "see" (On the problem of mixed propositional attitudes). In: *Logicheskij analiz yazyka. Problemy intentsional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of language. Problems of intentional and pragmatic contexts]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30 (in Russian).

Поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 17.11.2021

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 17.11.2021